

Т.И. АРТЕМОВА, д.э.н., доцент,
Институт экономики и прогнозирования НАН Украины

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ И УСЛОВИЯ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В ДОМОХОЗЯЙСТВАХ РАЗЛИЧНОГО ТИПА

Властные отношения составляют необходимый элемент жизнедеятельности любой социально-экономической системы. Концентрируя способность и возможность оказывать определяющее воздействие на деятельность и мотивацию людей посредством воли, авторитета, права, насилия, власть обеспечивает порядок в обществе, приводя поведение субъектов в соответствие с нормами и ценностями, господствующими в этом обществе. Властные отношения порождаются общественным разделением труда и обуславливаются спецификой построения социальной системы как иерархической организации, дифференцированной на властвующих и подвластных.

Проблемами властных отношений в той или иной мере занимались и занимаются все поколения экономистов. Однако несмотря на то, что властное пространство является полем жизнедеятельности хозяйствующего субъекта любого уровня на всех этапах его эволюции, проблемы власти нечасто становятся предметом специального исследования в науке. Так, в Украине исследованию проблем экономической власти посвящены работы В.Дементьева [1], Г.Задорожного [2], М.Павлышенко [3], в России – А.Либмана, А.Мовсесяна [4], Р.Нуреева [5], Р.Шайхутдинова [6], Ф.Шамхалова [7], в дальнем зарубежье – Р.Пайпса [8], С.Роузфилда [9], О.Уильямсона [10], других авторов. В более широком контексте властные отношения являются предметом анализа представителей институционального направления в экономической теории, ибо "все институционалисты понимают экономику как систему власти" [11, с. 111]; в то же время разработка развернутой теории экономической власти, адекватно описывающей и объясняющей власть как системное явление во всех ее формах, аспектах, взаимосвязях, продолжает оставаться важной актуальной задачей теоретической экономической науки. Особую значимость указанная проблема приобретает на постсоветском хозяйственном пространстве, что обусловлено, на наш взгляд, рядом обстоятельств.

С одной стороны, крах жестко субординированной хозяйственной системы традиционного социализма породил в постсоветском обществе иллюзию о демократическом обу-

стройстве политико-экономической жизни как форме реализации идеалов свободного волеизъявления хозяйствующих субъектов. Торжество указанной идеологии, обесценив исходные замыслы реформаторов, до сих пор является важным препятствием на пути обретения трансформационной экономикой траектории устойчивого развития. Такое положение дел, казалось бы, должно активизировать усилия общественной, и, в первую очередь, научной, мысли в направлении прояснения особенностей архитектуры власти в условиях экономической демократии. Однако этого не происходит потому что, с другой стороны, начиная с середины 1980-х годов в формах и механизмах реализации властных отношений в целом произошли значительные перемены, связанные со становлением сетевой экономики и дрейфом рыночно зрелых стран в направлении модели постиндустриального общества. В новых условиях хозяйствования власть внешне становится как бы невидимой, а следовательно, неактуальной для обсуждения и анализа в качестве «чуждой силы». Как отмечают специалисты, современная власть смещается все больше от внешнего давления со стороны властных инстанций к использованию различных форм интериоризации своего воздействия. Через систему всеобщего обучения, прессу, радио и телевидение властные структуры внедряют определенные стандарты поведения внутрь каждого человека, стремясь превратить отклоняющееся поведение и необычные реакции в нечто внутренне невозможное, пишет, в частности, Р. Шайхутдинов [6, с.7]. Причем активную властную позицию занимают не только и не столько государственные чиновники и представители политической власти: мощному стандартизированному воздействию индивид подвергается сегодня преимущественно со стороны экономических институтов.

Вышесказанное послужило побудительным мотивом для написания настоящей статьи, в которой, не претендуя на системное исследование властных отношений, мы задались целью актуализировать наследие институциональной школы для прояснения особен-

© Т.И. Артемова, 2008

ностей реализации этих отношений в домохозяйствах различного типа, а тем самым и более реалистично воспроизвести некоторые закономерности демократического обустройства экономической жизни. По нашему мнению, классическое наследие экономической науки в области анализа властных отношений сегодня не утратило своего объясняющего потенциала и может выступать надежной методологической платформой при исследовании особенностей и путей совершенствования институциональной структуры трансформационных экономических систем инверсионного типа. При этом мы определяем экономическую власть как обусловленные пространственно локализованным правом владения экономическими ресурсами (в том числе, капиталом) отношения подчинения – господства субъектов экономических отношений, связанные с отчуждением – присвоением воплощенного в экономическом благе свободного времени человека и общества с целью реализации эффекта синергии (накопления богатства либо экономии) посредством осуществления товарно-денежных операций [12]. Указанное определение позволяет методологически объединить различные исследовательские подходы к анализу феномена экономической власти.

Отношения экономической власти возникают тогда, когда хозяйствующий субъект использует принадлежащие ему ресурсы для накопления и развития. Если субъект при этом рассчитывает на собственные силы, он формирует властное пространство по отношению к себе; здесь эффекта синергии в чистом виде не возникает, хотя власть как экономическая категория в полной мере реализует себя, и волевое властное поле имеет место. Так, в условиях простого товарного производства эффект синергии исходно подразумевается, хотя имеет случайный характер реализации. Проблема экономического выбора и накопления решается здесь путем воплощения части свободного времени товаропроизводителя в пространство дополнительного (сверх необходимой потребности) экономического блага, которое будет продано, а на полученные деньги приобретено иное желаемое благо. В рыночном хозяйстве, когда концентрация капитала в руках отдельных собственников становится обыденным явлением – необходимым условием воспроизводства экономических отношений, эффект синергии приобретает характер закономерности.

Известно, что основным субъектами со-

временного рынка являются фирмы (деловые предприятия), домохозяйства и государство. Все они, на наш взгляд, одновременно могут рассматриваться как субъекты собственности и субъекты экономической власти. Вместе с тем, экономикс не рассматривает внутреннюю структуру этих субъектов, принимая их в качестве неких «пространственных точек» рынка, что обуславливает и схематическое воспроизведение системы властных отношений в модели рыночного хозяйства с ограниченной ролью правительства. «Широкое рассеивание экономической власти, составляющее основу конкуренции, – пишут, в частности, К. Макконнелл и С. Брю, – регулирует использование этой власти и ограничивает возможности злоупотребления ею. Экономическое состязание препятствует экономическим единицам причинять друг другу разрушительный ущерб, когда они пытаются увеличивать свою личную выгоду. Конкуренция устанавливает пределы для реализации покупателями и продавцами их личного интереса. Конкуренция представляет собой основную регулирующую силу при капитализме [13, с. 53]. Такой подход не может быть исчерпывающим для анализа властных отношений в современной рыночной экономике, поэтому мы в процессе исследования, помимо наработок неоклассической школы, будем привлекать дополнительный материал.

Что касается домохозяйств, то они в условиях рынка, согласно экономикс, играют двоякую роль, являясь, с одной стороны, основными поставщиками всех экономических ресурсов, с другой, – основной расходующей социальной группой. С позиций осуществления расходов, или потребления, функцией домохозяйств, как известно, является максимизация полезности. Полезность, прежде всего есть удовлетворение. «Более точно, под полезностью подразумевается степень предпочтения товаров и услуг потребителем, – отмечают П. Самуэльсон и В. Нордхаус. – Если корзина А имеет большую полезность для Смита, чем корзина Б, то мы можем сказать, что Смит предпочитает корзину А корзине Б» [14, с. 115]. То есть максимизация полезности для домохозяйства с позиций неоклассической школы означает, что потребители выбирают из всего ассортимента такой набор потребительских благ, который для них более предпочтителен. Выходит, что потребление и максимизация полезности – очень приятные и необременительные вещи, не вызывающее проблем и связанные с получением удовольствия.

На самом деле это далеко не так, и одной из заслуг институционального направления в экономической науке, на наш взгляд, является анализ взаимосвязи отношений распределения власти и потребления в семье как социально-экономической организации.

Когда обладание благами и их потребление переходит некоторую границу, пишет, в частности, Дж. Гэлбрейт, оно становится обременительным, если связанные с этим усилия не могут быть переложены на других [15, с. 57]. Если есть люди, на которых можно переложить обязанности присмотра и которые, в свою очередь, могут понимать и руководить необходимой для обслуживания рабочей силой, то потребление не имеет границ. Вместе с тем, в отношении сферы предоставления личных услуг всегда существовала угроза со стороны более привлекательных возможностей приложения труда, создаваемых общественным прогрессом. В свою очередь, богатство, создаваемое промышленным развитием, делало их все более востребованными. На пороге первой мировой войны, замечает П. Друкер, домашняя прислуга была самой массовой профессией в высокоразвитых странах; в Великобритании она составляла почти треть занятых в экономике; сейчас же домашняя прислуга повсеместно почти исчезла [16, с. 67]. На смену исчезающему социальному слою, занятому оказанием личных услуг, пришла женщина – жена и мать. «В соответствии с идеальной схемой денежной культуры, – говорит в связи с этим Т. Веблен, – хозяйка дома – это главная служанка в домашнем хозяйстве» [17, с. 128].

Превращение женщин в класс скрытой прислуги явилось экономическим достижением первостепенного значения, – отмечает Дж. Гэлбрейт. – Наемная прислуга была доступна лишь небольшой части населения в доиндустриальном обществе; в наше время жена-служанка доступна на сугубо демократической основе почти для всего мужского населения [15, с. 61]. Неоклассическая модель домохозяйства маскирует внутрисемейные экономические отношения, отождествляя его с единым («монолитным») субъектом, распределяющим свой доход между разными видами расходов таким образом, чтобы в пределе удовлетворение, получаемое от каждого вида затрат, было приблизительно одинаковым. В этом – смысл неоклассического понимания равновесия потребления, связанного с достижением оптимального уровня удовольствия. В действительности же, говорит Дж. Гэлбрейт,

современное домашнее хозяйство не допускает выражения индивидуальности и личных предпочтений. Оно требует подчинения предпочтений во многих областях от того или иного члена семьи, и чаще всего этим членом семьи оказывается женщина [15, с. 63]. Женщина в семье распоряжается потреблением, ежедневно разрешая проблему выбора приобретаемых товаров; но в более широком плане пути действия определяются мужчиной, который зарабатывает деньги и обладает естественным авторитетом в обществе, высоко оценивающим денежный успех. «По существу домашнее хозяйство используется мужчиной в общепринятой экономической теории для маскировки господства власти мужчин», – заключает Дж. Гэлбрейт [15, с. 64].

Таким образом, именно женщины, выполняя в скрытой форме функцию служанки и распорядителя, обеспечивают максимизацию функции полезности (а тем самым расширяют возможности потребления) в домохозяйстве. Используя женский труд для реализации функции потребления посредством опредмечивания и отчуждения свободного времени, муж и другие хозяйственные субъекты реализуют в домохозяйстве свои властные ролевые установки, достигая синергетического эффекта экономии. Практически все общества прибегают к жесткому разделению труда между полами, когда женщины специализируются на деятельности в домашнем секторе, а мужчины – в рыночном, отмечает Г. Бэkker [18, с. 144].

В СССР, где заработная плата была традиционно низкой, и женщины наряду с мужчинами были в полной мере задействованы в общественном секторе хозяйства, степень реализации экономической власти и мужчин, и (опосредовано) государства в домохозяйствах была велика. Вообще в СССР впервые в истории положение о равноправии мужчин и женщин было провозглашено одним из главных принципов государственного устройства и государственной политики, однако в силу ряда обстоятельств эти благие намерения в Советском обществе так и не получили практического воплощения. Предполагалось, что увеличение свободного времени женщины будет достигаться за счет замещения домашнего труда общественной сферой услуг. Сфера услуг, действительно, развивалась, однако непропорционально низкий удельный вес фонда потребления в сравнении с фондом накопления (25% и 75% соответственно) в национальном доходе, излишняя централизация в организации и регулировании, да и сам статус ука-

занного вида деятельности как непроизводительного относительно быстро выявили пределы как со стороны объемов предоставления, так и со стороны качества общественных услуг. Важными препятствиями на пути освобождения от рутины домашнего труда стали низкая покупательная способность советских домохозяйств, а также феномен дефицита, который превращал акт покупки необходимых предметов потребления в целый институциональный комплекс посредством поведенческих мотивов потребления (мотивация первоначального спроса, склонность к вынужденной замене, склонность к поиску, склонность стоять в очереди, склонность к завоеванию продавца и пр. [19, с. 105-106]) и формирования соответствующих категорий транзакционных издержек.

Однако если в сфере потребления положение о равноправии мужчины и женщины не оправдывало себя, в сфере производства оно реализовалось наиболее полно: принцип «кто не работает, тот не ест» рассматривался исключительно в контексте занятости в сфере общественного хозяйства: деятельность, связанная с работой в домохозяйстве, находилась вне закона (относилась к разряду тунеядства) и норм общественной морали (классифицировалась как кустарничество, осуждалась как отщепенчество). В итоге советская женщина несла бремя двойной эксплуатации – со стороны мужчины и государства и при этом должна была исповедовать религию равноправия полов и демонстрировать (лично и на примере воспитания своих детей) любовь и почтение к структурам власти всех уровней.

Степень эксплуатации женщин в условиях современного рынка определить очень сложно. С одной стороны, начиная с 1950-х гг. роль женщины в экономике неуклонно возрастает. Об этом, в частности, свидетельствуют такие данные: сегодня в Канаде женщины составляют более половины выпускников университетов с дипломами бакалавра, занимают 47% мест на рынке труда в целом и более половины – в системе здравоохранения, в бизнесе и финансовой сфере [20, с.90]. По некоторым данным, в США женщинам принадлежит более 50% оборачивающихся в государстве денежных средств, на них выписывается более 65% финансовых счетов, в их руках сосредоточено 57% общего объема ценных бумаг, около 74% жилого фонда, они обеспечивают 88% общей емкости потребительского рынка. Объективные предпосылки такого воистину революционного изменения места и

роли женщины в системе общественного хозяйства исследователи связывают с возможностями планирования семьи, ростом производительности домашнего труда вследствие использования нового поколения сложной и эффективной бытовой техники, а также быстрым развитием сферы услуг, которая расширила возможности приложения специфически женского труда [21].

Так, в Америке уже более 40% предприятий малого бизнеса находятся в руках женщин, а в сфере услуг их число достигает 87%; в странах Центральной и Западной Европы женщины владеют более чем 30% объектов бизнеса, нанимают 25% совокупной рабочей силы, составляют 55% от контингента обучающихся. В развитых странах мира на сегодня сформирован солидный правовой фундамент в области равенства полов, что способствовало принятию на правительственном уровне ключевых обязательств по продвижению статуса женщин в обществе. И хотя специалисты утверждают, что полного равенства женщин достичь еще нигде не удалось (в Канаде, например, женщины в среднем зарабатывают 71 цент там, где мужчины – 1 доллар, доля пожилых женщин с низкими доходами в 2 раза выше, чем пожилых мужчин и т.д. [20, с. 90]), результаты общественных усилий в этом направлении весьма впечатляют. В то же время ценой достигнутого прогресса стал кризис института семьи и брака, катастрофическое падение уровня рождаемости, унификация быта практически во всех развитых странах мира. Что касается поля властеотношений, то оно, на наш взгляд, также модифицировалось. Несмотря на то, что полное гендерное равенство – дело будущего, и мужчина в современном обществе рыночного типа сохраняет роль ведущего экономического субъекта, властные полномочия в экономике постепенно переходят к женщине, что позволяет ей занимать удобные позиции для активизации соответствующих ролевых установок по отношению к другим хозяйственным субъектам. Незримые механизмы транслируют указанные процессы на все уровни социально-экономических отношений, обуславливая нарастание тенденций неопределенности и хаоса, формирующих нелинейную картину современного хозяйственного развития в целом.

С другой стороны, вследствие экономического плюрализма в системе традиционного рыночного хозяйства акт покупки товара со стороны домохозяйства также приобретает характер институционального комплекса, ибо

обусловливается мотивацией первоначального спроса, склонностью к выбору торговой марки, склонностью к поиску приемлемой цены, склонностью к противостоянию продавцу и предотвращению навязывания вынужденной замены и пр. В результате максимизация полезности, помимо официальной (видимой) цены набора потребительских благ, сопровождается бременем несения транзакционных издержек. В условиях, когда женщины все более включаются в общественную жизнь и добиваются финансового успеха, бремя несения транзакционных издержек, связанных с потреблением в домохозяйстве, все более становится уделом мужчин. Мужское население, конечно, не согласно с таким положением, однако радикально противостоять феминизму не в состоянии, потому что гарантом реализации экономических прав и свобод женщины оказывается сегодня государство. В сложившейся ситуации атрибутом рационального экономического поведения потребителя должно было бы стать сокращение избыточного потребления, его оптимизация. Однако склонность к расточительству является одним из поведенческих стандартов общества массового потребления, функцией экономики избыточного предложения. Казалось бы, драматическая развязка между гедонистической целевой установкой современного домохозяйства рыночного типа и суждением естественной социальной базы ее реализации неизбежна, однако в дело вмешался случай: крушение хозяйственной системы СССР возродило рынок домашней прислуги (казалось бы давно ушедший в прошлое) как в развитых странах, так и на постсоциалистическом пространстве. Более того, сформировался и соответствующий рынок брачных услуг. Теперь женщины из развивающихся стран и стран бывшего социалистического лагеря поддерживают на сугубо демократической основе (подтверждая правильность классических положений институционального анализа) традиционно высокий уровень потребления в домохозяйствах рыночно зрелых стран. Одновременно происходит и клонирование соответствующих стандартов поведения, когда гедонистические потребительские мотивы вкупе с установками на экономический (финансовый) успех модифицируют систему семейных ценностей, переключая ее с воспроизводства человека на воспроизведение товара в форме человеческого капитала.

Все более полно реализуя одну из демократических свобод – свободу потребления,

экономический субъект, таким образом, создает все более совершенную властную модель собственного рабства. Специалисты называют ее биовластью, при которой сама человеческая телесность (ее природа) являются условием формирования "нужных" структур сознания и, соответственно, структур общественной организации посредством механизма стандартов. При этом значительно актуализируется вопрос об основаниях и судьбах самого правового государства, ибо «природа не может дать философски оправданного базиса для прав, морали или этики» [22, с. 161].

В трансформационной экономике инверсионного типа структура властных отношений имеет характерные особенности, обусловленные сочетанием традиций, унаследованных от СССР, и новаций, заимствованных от современных рыночных систем; причем в странах Восточной Европы (России, Украине) и унаследовано, и позаимствовано не самое лучшее из возможного. Так, наследием социалистического прошлого (которое, впрочем, сегодня осмысливается сквозь призму опыта рыночно зрелых стран) здесь является стандарт гендерного равенства, понимаемый применительно к домохозяйству как равные обязательства супругов в отношении формирования семейного бюджета. "Удивительно, но факт, что мужчины в нашем обществе охотно приняли имидж занятой экономической деятельностью женщины-жены, которая вносит свой вклад в семейный доход, но при этом не отказались от мысли, что домашняя работа – это исключительно женская обязанность", – пишет С. Аксенова [23, с.4]. На наш взгляд, удивительным является вовсе не образ мышления украинских мужчин, который как раз очень логично вписывается в их властную ролевою установку в модели домохозяйства, а то, что при быстром и повсеместном распространении сферы товарно-денежных отношений на постсоциалистическом экономическом пространстве труд женщины в домашнем хозяйстве по-прежнему остается "невидимым": он не приобретает форму альтернативных затрат в семье и так же, как в советское время, не учитывается обществом в ВВП. Как отмечают специалисты, сегодня в Украине размер государственного вспомоществования по уходу за ребенком по достижении им трехлетнего возраста не компенсирует всех издержек, поэтому "альтернативой работающей матери является бедность" [23, с.3].

Между тем с преодолением дефицита, характерного для потребительской сферы

планового хозяйства, с насыщением рынка и увеличением диапазона потребительского выбора трансакционные издержки, сопряженные с оптимизацией функции полезности, в домохозяйстве трансформационного общества не исчезли и не уменьшились, а лишь изменили свою форму. И осуществляются они преимущественно за счет ресурса свободного времени женщины.

А если учесть, что в условиях рыночной трансформации значительно обострилась проблема неопределенности как с доходами от основной занятости, так и с рентными платежами (пенсиями, социальными выплатами и пр.), и это требует от домашнего хозяйства максимальной диверсификации деятельности, а реализация защитной функции – все возрастающих усилий и внимания, то становится понятным, что переход к рынку значительно увеличил степень властного напряжения в домохозяйствах.

За "железным занавесом" женщина как субъект домохозяйства испытывала властное воздействие со стороны мужчины и государства; в "открытой экономике" она в дополнение стала объектом приложения власти со стороны чужих государств и их резидентов, как производителей, так и потребителей. Так, в условиях общего низкого уровня заработной платы и неэффективной структуры отечественного производства даже насыщение потребительского спроса бытовой техникой, призванной высвободить время, затрачиваемое на выполнение рутинной домашней работы, требует от семьи дополнительных усилий по зарабатыванию денег, а следовательно, также опосредуется эффектом синергии.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что модель рыночной системы хозяйства, пришедшая в постсоциалистических странах на смену командно-административному организационному конструкту, по сути, является его инобытием. Заместив ресурсоограниченный дефицитный тип экономики спросоограниченной системой с широким диапазоном экономического (в том числе, потребительского) выбора, она не сняла проблему властного напряжения в обществе, а лишь модифицировала его в направлении от административных к экономическим формам и даже усилила, переключив потенциал трансформационных экономик на реализацию нужд и запросов хозяйствующих субъектов развитых стран. Как показывают исследования, осуществленные с позиций институционального подхода, распространение идеологии

массового потребления сопровождается формированием властных технологий, связанных со стандартизацией человеческого поведения. Такие технологии вступают в противоречие с самой природой человека как творческой личности, модифицируют систему семейных ценностей, переключая её с воспроизводства человека на воспроизведение товара в форме человеческого капитала, когда глобальная цель реализации творческих способностей человека сводится к способности извлечения дополнительных доходов, а мужская и женская природа человека рассматриваются как средство достижения потребительских стандартов определенного уровня. Такая форма организации общественного хозяйства не может быть взята за основу как социальный конструкт, приемлемый для жизни; по духу она является традиционной и предстает инобытием дискредитировавшей себя советской системы традиционного социализма. Институциональные исследования природы властных отношений в современном обществе должны быть продолжены с целью её детерминации как общественного блага.

Литература

1. Дементьев В.В. Экономика как система власти.– Донецк: Каштан, 2003.
2. Задорожный Г.В. Собственность и экономическая власть. – Х.: Основа, 1996.
3. Павлишенко М. Про відокремлення влади від бізнесу //Економіка України. – 2007. – №2. – С. 53-57.
4. Мовсесян А., Либман А. Роль фактора власти в экономике //Экономист. – 2002. – №3. – С. 58-64.
5. Постсоветский институционализм – 2006: Власть и бизнес /Под ред. Р.М.Нуреева. – Ростов-на-Дону: "Наука-Пресс", 2006.
6. Шайхутдинов Р. Современные технологии власти // Вопросы философии. – 2007. – №11. – С.3-12.
7. Шамхалов Ф.И. Государство и экономика: (власть и бизнес). – М.: ОАО "Издательство"Экономика", 1999.
8. Пайпс Р. Собственность и свобода / Пер. с англ. – М.: Московская школа политических исследований, 2000.
9. Роузфилд С Порівнюємо економічні системи. – К.: "K.I.S.", 2005.
10. Вільямсон О. Економічні інституції капіталізму: Фірми, маркетинг, укладення контрактів. – К.: "Артек", 2001.
11. Companion to Contemporary Economic

Thought /Ed. by D.Greneway, M. Bleaney, J. Stewart. – L., N.Y., 1987.

12. Артемова Т.И. Институт экономической власти в контексте взаимосвязи с отношениями собственности и стоимости // Научные труды Дон НТУ, Серия: экономическая. Выпуск 103-3 – Донецк, Дон НТУ, 2006. – С.58-61.

13. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: В 2-х тт. // Пер. с англ. – Т.1. – М.: Республика, 1992.

14. Самуэльсон П., Нордхаус В. Экономика / Пер. с англ. – М.: ЛБЗ, 2000.

15. Гэлбрейт Дж.К. Экономические теории и цели общества / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1979.

16. Хруцкий В.Е. Реферат статьи Питера Друкера "Труд и управление в современном мире" и послесловие к нему // Российский экономический журнал. – 1993. – №5. – С.67-75.

17. Veblen T. The Theory of the Leisure Class. – Boston: Houghton Mifflin, 1973.

18. Becker G.S. A Treatise on the Family. – Cambridge (MA), 1981.

19. Корнай Я. Дефицит / Пер. с венгерск. – М.: Наука, 1990.

20. Бэктон К. Правительственный план достижения гендерного равенства в Канаде // США-Канада: ЭПК. – 2008. – №3. – С.89-96.

21. Фукуяма Ф. Великий разрыв / Пер. с англ. – М.: АСТ, 2003.

22. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции / Пер. с англ. – М.: АСТ, Люкс, 2004.

23. Аксьонова С. Форми зайнятості жінок і материнство // Україна: аспекти праці. – 2007. – №6. – С.3-8.

Статья поступила в редакцию 14.05.2008

С.Ю. ДЕФОРЖ, к. э. н., доцент,

А. Н. КЛОЧКО, к. п. н.,

Харьковский национальный университет внутренних дел

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ТРАНЗИТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ

Полтора десятилетия системной трансформации в 28-ми постсоциалистических странах позволили выработать определенное согласие в научных кругах и отечественном политикуме по поводу приоритетного фактора общественной эволюции – институциональных рамок развития. Последовательная разработка и приложение данного фактора в эволюционную теорию стали возможны с внедрением в экономический анализ категорий трансакционных и трансформационных издержек, которое осуществил основоположник неинституционализма Р. Коуз в рубажной для науки статье «Природа фирмы» (1937 г., спустя 54 года отмеченной Нобелевский премией) [1, с. 33-111] В Нобелевской лекции (1991 г.) Коуз подчеркивал: «Ценность внедрения... институциональных факторов становится особенно явной в свете недавних событий в Восточной Европе. Бывшим коммунистическим странам советуют перейти к рыночной экономике, и того же желают их лидеры, но никакая мало-мальски осмысленная рыночная экономика невозможна без соответствующих институтов» [1, с. 342-343].

Институциональные рамки (система

формальных и неформальных правил, норм, традиций поведения индивидуумов и организаций) определяют характер институциональной среды данного социума, содействуя или препятствуя рациональному выбору и реализации стимулов к продуктивному труду, заложенных в homo economicus. Экономический прогресс или стагнация хозяйственных систем прямо зависят от доминирующей институциональной системы: институты, прежде всего формальные ограничения (акты государственного регулирования, законы, структура налогов и др.), создают такую систему стимулов, которая поощряет или тормозит продуктивную деятельность.

Согласно последним исследованиям экспертов Мирового банка, существующий тип институциональной системы оказывает прямое влияние на экономический потенциал страны. В Докладе Мирового банка за 2003 г., где проблемам институционализации, в т.ч. в условиях системной трансформации, посвящен целый раздел (Chapter 3. Institutions for Sustainable Development), констатируется: только за счет

© С.Ю. Дефорж, А. Н. Клочко, 2008